

КАК МЕНЯ ВЫБИРАЛИ В ГУБЕРНАТОРЫ

Несколько месяцев назад меня как независимого выдвинули кандидатом на должность губернатора великого штата Нью-Йорк. Две основные партии выставили кандидатуры мистера Джона Т. Смита и мистера Блэнка Дж. Блэнка, однако я сознавал, что у меня есть важное преимущество перед этими господами, а именно: незапятнанная репутация. Стоило только просмотреть газеты, чтобы убедиться, что если они и были когда-либо порядочными людьми, то эти времена давно миновали. Было совершенно очевидно, что за последние годы они погрязли во всевозможных пороках. Я упивался своим превосходством над ними и в глубине души ликовал, но некая мысль, как мутная струйка, омрачала безмятежную гладь моего счастья: ведь моё имя будет сейчас у всех на устах вместе с именами этих прохвостов! Это стало беспокоить меня всё больше и больше. В конце концов, я решил посоветоваться со своей бабушкой. Старушка ответила быстро и решительно. Письмо её гласило: «За всю свою жизнь ты не совершил ни одного бесчестного поступка. Ни одного! Между тем, взгляни только в газеты, и ты поймешь, что за люди мистер Смит и мистер Блэнк. Суди сам, можешь ли ты унизиться настолько, чтобы вступить с ними в политическую борьбу?».

Именно это и не давало мне покоя! Всю ночь я ни на минуту не сомкнул глаз. В конце концов, я решил, что отступать уже поздно. Я взял на себя определённые обязательства и должен бороться до конца. За завтраком, небрежно просматривая газеты, я наткнулся на следующую заметку и, сказав по правде, был совершенно ошеломлён:

«Л ж е с в и д е т е л ь с т в о. Быть может, теперь, выступая перед народом в качестве кандидата в губернаторы, мистер Марк Твен соизволит разъяснить, при каких обстоятельствах он был уличён в нарушении присяги тридцатью четырьмя свидетелями в городе Вакуваке (Кохинхина) в 1863 году? Лжесвидетельство было осуществлено с намерением оттягать у бедной вдовы-туземки и её беззащитных детей жалкий клочок земли с несколькими банановыми деревцами – единственное, что спасало их от голода и нищеты. В своих же интересах, а также в интересах избирателей, которые будут, как надеется мистер Твен, голосовать за него, он обязан разъяснить эту историю. Решится ли он?».

У меня просто глаза на лоб полезли от изумления. Какая грубая, бессовестная клевета! Я никогда не бывал в Кохинхине! Я не имею понятия о Вакуваке! Я не мог бы отличить бананового дерева от кенгуру! Я просто не знал, что делать. Я был взбешён, но совершенно беспомощен.

Прошел целый день, а я так ничего и не предпринял. На следующий день в той же газете появились такие строки:

«З н а м е н а т е л ь н о! Следует отметить, что мистер Марк Твен хранит многозначительное молчание по поводу своего лжесвидетельства в Кохинхине!» (В

¹ ТВЕН Марк (1835-1910) – американский писатель, журналист и общественный деятель

дальнейшем в течение всей избирательной кампании эта газета называла меня не иначе как «Гнусный клятвопреступник Твен»).

Затем в другой газете появилась такая заметка:

«Ж е л а т е л ь н о у з н а т ь, не соблаговолит ли новый кандидат в губернаторы разъяснить тем из своих сограждан, которые отваживаются голосовать за него, одно любопытное обстоятельство: правда ли, что у его товарищей по бараку в Монтане то и дело пропадали разные мелкие вещи, которые неизменно обнаруживались то в карманах мистера Твена, либо в его «чемодане» (старой газете, в которую он заворачивал свои пожитки). Правда ли, что товарищи были вынуждены, наконец, для собственной же пользы мистера Твена сделать ему дружеское внушение, вымазать дёгтем, вывалить в перьях и пронести по улицам верхом на шесте, а затем посоветовать поскорей очистить занимаемое им в лагере помещение и навсегда забыть туда дорогу? Что ответит на это мистер Марк Твен?»

Можно ли было выдумать что-либо гнуснее! Ведь я никогда в жизни не бывал в Монтане! (С тех пор эта газета называла меня «Твен, Монтанский Вор»).

Теперь я стал развёртывать утреннюю газету с боязливой осторожностью – так, наверное, приподнимает одеяло человек, подозревающий, что где-то в постели притаилась гремучая змея.

Однажды мне бросилось в глаза следующее:

«К л е в е т н и к у л и ч ё н! Майкл О`Фланаган – эсквайр из Файв-Пойнтса, мистер Снаб Рифферти и мистер Кэтти Маллиган с Уотер-стрит под присягой дали показания, свидетельствующие, что наглое утверждение мистера Твена, будто покойный дед нашего достойного кандидата мистера Блэнка был повешен за грабёж на большой дороге, является подлой и нелепой, ни на чем не основанной клеветой. Каждому порядочному человеку станет грустно на душе при виде того, как ради достижения политических успехов некоторые люди пускаются на любые гнусные уловки, оскверняют гробницы и чернят честные имена усопших. При мысли о том горе, которое эта мерзкая ложь причинила ни в чём не повинным родным и друзьям покойного, мы почти готовы посоветовать оскорблённой и разгневанной публике тотчас же учинить грозную расправу над клеветником. Впрочем, нет! Пусть терзается угрызениями совести! (Хотя, если наши сограждане, ослеплённые яростью, в пылу гнева нанесут ему телесные увечья, совершенно очевидно, что никакие присяжные не решатся их обвинить и никакой суд не решится присудить к наказанию участников этого дела)».

Ловкая заключительная фраза, видимо, произвела на публику должное впечатление: той же ночью мне пришлось поспешно вскочить с постели и убежать из дому чёрным ходом, а «оскорблённая и разгневанная публика» ворвалась через парадную дверь и в порыве справедливого негодования стала бить у меня окна и ломать мебель, а кстати захватила с собой кое-что из моих вещей. И всё же я могу поклясться всеми святыми, что никогда не клеветал на дедушку мистера Блэнка. Мало того – я не подозревал о его существовании и никогда не слышал его имени. (Замечу мимоходом, что вышеупомянутая газета с тех пор стала именовать меня «Твеном, Осквернителем Гробниц».)

Вскоре моё внимание привлекла следующая статья:

«Д о с т о й н ы й к а н д и д а т! Мистер Марк Твен, собравшийся вчера вечером произнести громовую речь на митинге независимых, не явился туда вовремя. В телеграмме, полученной от врача мистера Твена, говорилось, что его сшиб мчавшийся во весь опор экипаж, что у него в двух местах сломана нога, что он испытывает жесточайшие муки, и тому подобный вздор. Независимые из всех сил старались принять на веру эту жалкую отговорку и делали вид, будто не знают истинной причины отсутствия отъявленного негодяя, которого они избрали своим кандидатом. Но вчера же вечером некий мертвецки пьяный субъект на четвереньках вполз в гостиницу, где проживает мистер Марк Твен. Пусть теперь независимые попробуют доказать, что эта нализовавшаяся скотина не была Марком Твеном. Попался наконец-то! Увёртки не помогут! Весь народ громогласно вопрошает: «Кто был этот человек?». Я не верил своим глазам. Не может быть, чтобы моё имя было связано с таким чудовищным подозрением! Уже целых три года я не брал в рот ни пива, ни вина и вообще никаких спиртных напитков.

(Очевидно, время брало своё, и я стал закаляться, потому что прочёл без особого огорчения в следующем номере этой газеты своё новое прозвище: «Твен, Белая Горячка», хотя знал, что это прозвище останется за мной до конца избирательной кампании).

К этому времени на моё имя стало поступать множество анонимных писем. Обычно они бывали такого содержания: «Что скажете насчёт убогой старушки, какая к вам стучалась за подаванием, а вы её ногой пнули?».

Или: «Некоторые ваши тёмные делишки известны пока что одному мне. Придётся вам раскошелиться на несколько долларов, иначе газеты узнают кое-что о вас от вашего покорного слуги».

Остальные письма были в том же духе. Я мог бы привести их здесь, но думаю, что читателю довольно и этих.

Вскоре главная газета республиканской партии «уличила» меня в подкупе избирателей, а центральный орган демократов «вывел меня на чистую воду» за преступное вымогательство денег. (Таким образом, я получил еще два прозвища: «Твен, Грязный Плут» и «Твен, Подлый Шантажист».)

Между тем, все газеты со страшными воплями стали требовать «ответа» на предъявленные мне обвинения, а руководители моей партии заявили, что дальнейшее молчание погубит мою политическую карьеру. И словно для того, чтобы доказать это и подстегнуть меня, на следующее утро в одной из газет появилась такая статья:

«П о л ю б у й т е с ь н а э т о г о с у б ь е к т а! Кандидат независимых продолжает упорно отмалчиваться. Конечно, он не смеет и пикнуть. Предъявленные ему обвинения оказались вполне достоверными, что ещё больше подтверждается его красноречивым молчанием. Отныне он заклеимён на всю жизнь! Поглядите на своего кандидата, независимые! На этого Гнусного Клятвопреступника, на Монтанского Вора, на Осквернителя Гробниц! Посмотрите на вашу воплощённую Белую Горячку, на вашего Грязного Плута и Подлого Шантажиста! Вглядитесь в него, осмотрите со всех сторон и скажите, решитесь ли вы отдать ваши честные голоса этому негодяю, который тяжкими своими преступлениями заслужил

столько отвратительных кличек и не смеет даже раскрыть рот, чтобы опровергнуть хоть одну из них».

Дальше уклоняться было уже, видимо, нельзя, и, чувствуя себя глубоко униженным, я засел за «ответ» на весь этот ворох незаслуженных грязных поклёпов. Но мне так и не удалось закончить мою работу, так как на следующее утро в одной из газет появилась новая ужасная и злобная клевета: меня обвиняли в том, что я поджёл сумасшедший дом со всеми его обитателями, потому что он портил вид из моих окон. Тут меня охватил ужас. Затем последовало сообщение, что я отравил своего дядю с целью завладеть его имуществом. Газета настойчиво требовала вскрытия трупа. Я боялся, что вот-вот сойду с ума.

Но этого мало: меня обвинили в том, что, будучи попечителем приюта для подкидышей, я пристроил по протекции своих выживших из ума беззубых родственников на должность разжёвывателей пищи для питомцев. У меня голова пошла кругом.

Наконец бесстыдная травля, которой подвергли меня враждебные партии, достигла наивысшей точки: по чьему-то наущению во время предвыборного собрания девять малышей всех цветов кожи и в самых разнообразных лохмотьях вскарабкались на трибуну и, цепляясь за мои ноги, стали кричать: «Папа!».

Я не выдержал. Я спустил флаг и сдался. Баллотироваться на должность губернатора штата Нью-Йорк оказалось мне не по силам. Я написал, что снимаю свою кандидатуру, и в порыве ожесточения подписался: «С совершенным почтением ваш когда-то честный человек, а ныне: Гнусный Клятвопреступник, Монтанский Вор, Осквернитель Гробниц, Белая Горячка, Грязный Плут и Подлый Шантажист».

Марк Твен.

Перевод Н. Тренивой